Дарья Сагунова
Апокалипсис

Annotation

Планировать заранее - дело опасное. Даже если планы эти самые простые - проснуться в счастливом будущем, пусть и через тридцать лет сна, потому как все меняется, и будущее тоже...

- Глава 1

Апокалипсец

Глава 1

Апокалипсец

Дышать было сложно, но меня об этом предупредили. Как и других, кто выбирал крио в «Этерне». Там сразу же сказали, что будет с нами — желающими продлить свою молодость на годы вперед. Честно, без прикрас и красивых рекламных слоганов. «Вы ничем не будете отличаться от овоща в морозилке. Останетесь такими же свежими, привлекательными и молодыми. А еще замороженными. Первое время точно. Активация систем не рассчитана на мгновенный переход, поэтому какое-то придется потерпеть нехватку воздуха, заторможенность и панику. Но это небольшое неудобство — всего лишь малая плата за долгую молодость. За все надо платить!», — радостно сообщил менеджер.

И я заплатил. Сначала деньгами и недешево, а потом проблемами после пробуждения. Я осторожно втянул немного воздуха и прислушался — тоже с опаской. Шутка ли — проспать тридцать лет в холодильнике. Комфортном, конечно, со всеми необходимыми современными наворотами, но все же холодильнике. Я хмыкнул, как и тогда, при оплате счета за криосон, и тут же замер, потому что спокойные до этого датчики вдруг принялись менять цвета.

Не сразу, но дошло — система реагирует не только на мое физическое состояние, но и на эмоциональную реакцию, чтобы, если потребуется, активировать нужный режим. Вдруг меня от испуга начнет бить припадок? Или, наоборот, так обрадуюсь, что проснулся, что тут же словлю инсульт? Это ж меня спасать придется!

Я смотрел на разноцветные столбики и дышал — тихонько, не спеша. Система системой, но раскачивать легкие все же нужно осторожно. Про это тоже в «Этерне» говорили. Осторожно и самостоятельно. Капсула, конечно, подстрахует, но сидеть в ней вечно не получится. Да и какой смысл в молодости, если ее придется потратить на жизнь в хоть и современном, но ящике?

Воздух заметно потеплел, это я почувствовал сам и довольно улыбнулся. Все идет так, как надо, без сбоев и ЧП. Иначе бы меня морозило по-прежнему и во всех смыслах. А так… Если я хорошо

помню правила, то уже через пару-тройку часов можно будет выбираться и осматриваться. И начать этот самый осмотр можно с…

Вот тут я растерялся. Странно, конечно. Особенно после того, как я так долго готовился к криосну — по-другому переброску в будущее делать еще не научились. ТОГДА не научились. Но хотя бы отточили способ продлить молодость на три десятка лет. На бОльший срок нельзя, иначе никакая система не оживит, придется составить компанию мамонтам, которые навсегда остались в вечной мерзлоте. Хотя, опять же — БЫЛО нельзя. А вот сейчас, в будущем, где я оказался, все должно измениться.

«Когда проснетесь, возможность остаться молодым навсегда станет реальностью. Уже сейчас все к этому идет, а в вашем скором уже будущем технологии отточат до мелочей. Так что вам можно завидовать уже сейчас», — улыбался сотрудник «Этерны».

Завистливо так улыбался. Наверное, действительно завидовал, хотя это и странно — кому-кому, а уж ему можно было заснуть в любое время. Еще и со скидкой.

Датчик вывел текущую температуру — 35,7. Неплохо, очень даже неплохо. Не успел я об этом подумать, как по телу прокатилась теплая волна: сработал очередной витаминный бульон, которым меня кормила капсула. «35,8…36,0… 36,5…». Рядом пульсировали датчики давления, кислорода и еще десятка два диаграмм по всевозможным жизненным показателям. А еще суммарный показатель готовности. Когда на нем появится «100%», можно будет выходить.

Пока что светилось «98%».

Я глубоко вздохнул, заерзал в своей капсуле, как та бабочка перед вылетом — и выбраться уже хочется, и страшновато. Шутка ли — тридцать лет в замороженном режиме!

Датчики моментально считали мое состояние и беспокойно замигали, один даже тревожно пискнул, мол, что это за непорядок такой. Тут же по телу пронеслась вторая волна, теплая и какая-то спокойная. Не сразу, но я понял — капсула накормила меня успокоительным.

«В самом деле, чего это я, — тут же пронеслось в голове, — Столько готовился к такому шагу, потратил столько времени, сил и денег, а теперь чего-то опасаюсь. Радоваться надо! Проснулся в самом

расцвете сил, в напичканном разными технологиями будущем, где нет места ни болезням, ни проблемам!».

Ведь повезло! В самом деле повезло! Третья часть моих знакомых утонула в кредитах, часть спилась, еще часть занялась пес их знает чем, а мне так подфартило! А ведь до последнего не хотел покупать этот дурацкий лотерейный билет — смазливая продавщица уговорила. И на тебе! За считанные дни поменял свои проблемы на светлое будущее!

Наверное, капсула прыснула чего-то бодрящего, потому что я чувствовал себя не просто хорошо, а просто великолепно. Подготовленное ко сну тело в прошлом и к пробуждению в уже счастливом настоящем было готово не только к обычной жизни, а к космической.

— А что? Тридцать лет назад во всю готовились к полетам на Марс. Теперь уж точно летают, и не только космонавты. Как говорится, прогресс не стоит на месте, — проговорил я.

Впервые после пробуждения, кстати.

Голос звучал бодро. Тридцать лет в капсуле никак не отразились на связках и на… не помню, что там еще отвечает за речь. Не успел я порадоваться этому, как зазвучал другой голос — женский, глубокий.

— Доброе утро! Я Эна, голосовой помощник компании «Этерна». Рада приветствовать вас с успешной активацией всех жизненных систем после сна, — голос звучал негромко, но проникал в самое сердце.

Да… специалисты «Этерны» действительно знали свое дело.

— Система контроля просканировала работу вашего организма. Результат превосходный. Вы готовы покинуть капсулу для жизни в новом, ставшем реальностью, времени. Я благодарю вас за ваш выбор и нашу совместную работу и напоминаю о необходимости заботиться о своем здоровье в любом времени. До свидания.

— До свидания!

Если бы настоящая Эна с ее потрясающим голосом была рядом, я бы точно ей подмигнул. Может, даже обнял.

«100%».

Если бы не капсула, я бы точно подпрыгнул от радости. Датчик показал не просто заветную сотню, а готовность жить в новом, напичканном технологиями, мире. Почти сразу раздалось легкое

шипение: крышка капсулы сдвинулась и открыла новую, реальность — пока неведомую мне, но уже желанную и манящую. Внутри захолонуло, но капсула никак не отреагировала. Мой кокон отпустил меня в новую жизнь, и это было… это было здорово!

В голове проскочило почти забытое слово «задор». Это когда хочется узнавать, изучать, причем немедленно. Последний раз такое состояние было в детстве. И вот накрыло теперь. Я чуть ли не выпрыгнул из капсулы, быстро осмотрел маленькую и почему-то знакомую комнату. Ах да. Я же заходил сюда тридцать лет назад.

За все это время помещение не изменилось — специалисты «Этерны» берегли психику своих клиентов, незачем им после криосна тревожиться, что оказались в незнакомой обстановке. Взгляд выцепил в углу дверь с сенсором, который срабатывает на сетчатку — это я тоже хорошо запомнил. Ну, что ж. Сетчатка — так сетчатка.

Сенсор тоненько пискнул, разрешив второй уровень доступа в новую жизнь. Осталось выйти из офиса «Этерны» и всё. Здравствуй, моя новая жизнь среди хай-тека! Здравствуй!

Я промчался вниз по лестнице. Лифтом пользоваться не хотелось. Какой лифт, когда каждый мускул, каждый нерв дрожит и просит быстрее выйти на улицу! Я еле вытерпел, когда система перед выходом снова отсканирует глаз. Казалось, что секунды растягиваются в часы, в дни, в вечность.

— Доступ разрешен.

У меня перехватило дыхание, но и только. Успокоительное еще работало, поэтому восторг оказался сдержанным, даже каким-то выверенным. Я почти спокойно застыл перед дверью, которая должна вот-вот открыться. Вот две половинки двери почти беззвучно дрогнут, разъедутся по сторонам, а там…

Ничего не изменилось. Дверь осталась глуха и слепа. Я снова подошел к сканеру, дождался безразличного «Доступ разрешен» и вернулся к выходу. Тишина. Стало не по себе. Наверное, капсула влила в меня хорошую дозу антидепрессантов, потому что тряхнуло меня не очень сильно. Но ощутимо. В голове пронеслось сразу с десяток вариантов, почему эта треклятая дверь не работает.

Отпустило только когда я вспомнил про аварийный вариант — на случай всякого рода ЧП. Что ни говори, но в «Этерне» работали действительно толковые люди. Толковые и предусмотрительные.

Я откинул панельку под датчиком, набрал код — день рождения, месяц рождения и год обращения за криосном, там и запоминать нечего было, повторил комбинацию и облегченно выдохнул. Глухая, точнее сказать, слепая к моей сетчатке система разблокировала выход. Дверь еле заметно дрогнула и наконец разъехалась в стороны.

На миг я ослеп. В помещении было светло, но куда там было несчастным лампочкам до настоящего солнечного света. Он влился в комнату, в меня, выбил из глаз слезы, но я был счастлив. Если бы в «Этерне» догадались прикрутить ко мне датчик эмоционального состояния, он бы сломался. Навернулся бы от радости в считанные секунды.

— Здравствуй, миг, здравствуй, век, здравствуй, новый человек.. Здравствуй, мир, здравствуй, друг, здравствуй, песен щедрый круг!..

Песенка пахла нафталином, я даже не помнил, откуда вдруг она зазвучала в моей голове, и кто ее пел раньше. Просто повторял простые строчки, скорее всего, невпопад, потому что петь — это не мое, и ждал, когда я наконец увижу свой родной город в новом свете. В своей новой реальности, которая теперь моя на все сто процентов.

Слезы заливали отвыкшие от солнца глаза, но я упрямо рисовал перед собой небоскребы из стекла и бетона — даже больше из стекла, четкие развязки на пяти-шести уровнях для любителей передвигаться на четырех колесах и невидимые для любителей коптеров, немыслимые футуристические детали на земле, в небе и в пространстве между этими двумя «слоями». Тридцать лет развития технологий, тридцать лет прорыва… И сейчас я все это увижу, прочувствую, испытаю на себе.

Я выжал из глаз остатки слез, сделал шаг вперед и вдруг застыл, как будто налетел на невидимую преграду.

Города не было.

Ни того, который я только что рисовал себе, ни того, тридцатилетней давности, который помнил, не существовало. Передо мной раскинулись одни руины.

Я таращился на обезображенные котлованами улицы, на окна-глазницы многоэтажек — почти везде пустые, без стекол, на вывернутый наизнанку асфальт дорог и груды искореженного металла, в котором с т рудом можно было узнать автобусы и авто. На зелень — буйную, но почти везде больную, ржавую, как будто ей не хватало сил

стать зеленой. На гигантские кучи мусора. На пыль, которая тоскливо сыпалась из раненых зданий.

Таращился и мечтал о том, чтобы это было сном. Пусть самым страшным кошмаром, но все же сном — последним его периодом перед счастливой жизнью в светлом будущем.

— Только не это, только не это, — бормотал я, как молитву.

Потом я ущипнул себя. Изо всех сил цапнул за руку, зашипел от боли и окончательно убедился, что кошмарный мир вокруг реален так же, как я. Что нет смысла повторять «Не может быть». Может. Уже стало. Что-то произошло за тридцать лет счастливого сна — моего и всех тех, кто решился на крио в погоне за молодостью и жизнь в стиле «хай-тек». Что-то стряслось.

Капсула продолжала выручать. Не знаю, чтобы со мной было без синтетической поддержки, которой хватало до сих пор. Но даже с кучей поддерживающих препаратов меня трясло и колотило. Хотелось вернуться, активировать капсулу и заснуть еще на тридцать лет. Да хоть на сто! Лишь бы потом проснуться в нормальном мире и нормальных условиях!

Я даже развернулся, но зайти в помещение не успел. Дверь все с тем же шипением закрылась, оставив меня в этом кошмаре.

Навсегда.

И тут я заорал. Все спокойное, что было во мне, вмиг закончилось. Я колотил в дверь кулаками, дубасил ее ногами и орал изо всех сил. Не знаю, сколько так бился. Наверное, пока в меня не прилетел камень.

Вообще камень — хороший такой булыжник — грохнул в дверь. Если б попал по мне, то я бы уже лежал, может даже без признаков жизни. Я тут же метнулся в сторону за вывороченные из земли куски асфальта, затаился. Рядом выбил цементную крошку еще одна штуковина, похожая на смятую в ком консервную банку.

— Эй, вы чего?

Может, надо было молчать, но возмущение у меня просто зашкаливало. Я не рассчитывал на ответ, но он все же прозвучал. Сначала беззвучно — я просто услышал, как недалеко от меня шуршат и бормочут. Вроде бы даже беззлобно. А потом и словами:

— Ты кто?

Голос был хриплым, как после простуды. И, скорее всего, не женским. Хотя, даже если бы говорила девушка, любезничать с ней я не собирался. После камня особенно.

— Я тебе уши оборву! Слышишь? Еще один камень и выкручу!

Меня услышали. Более того, поняли. Почти рядом со мной испуганно ойкнули, а потом начали шуршать в моем направлении.

Я приподнялся из-за своего укрытия, присмотрелся. Мальчишка. Лет тринадцати, плюс-минус два года. Хотя, точно не плюс. Чернявый, чумазый, серый какой-то, как будто его в пыли искупали, в такой же серой одежде. Другого цвета были только глаза. Огромные, голубые, они смотрели на меня с любопытством и испугом, и чего там было больше — я так и не понял.

— Твои проделки? — на всякий случай я прикрутил угрозу, чтобы мальчишка не удрал.

— А может, ты зомбак! Или из тех, которые светятся! — тут же огрызнулся тот.

— Не понял, — протянул я.

Наверное, мой голос прозвучал совсем уж растерянно, потому что мальчишка не то что осмелел, а обнаглел. Подошел вплотную и принялся долго смотреть на меня своими голубыми глазами.

— Не, не зомбак, — наконец выдал он и плюхнулся на землю.

Я тоже не стал торчать столбом. Мало ли, а то еще кто решит достать меня камнем. Или банкой. Устроился рядом, прислонился к бетонной выворотине.

— Не зомбак, — заверил я. — По улицам не брожу, на прохожих не нападаю, не душу всяких наглецов, которые человека хотят убить. Хотя, может, зря. Некоторых надо бы.

Мальчишка прищурился и хмыкнул — весело так.

— Зомбаки мирные, они просто ходят следом, и то, когда их больше пяти-шести. В одиночку не хотят. То ли боятся, то ли еще что. Толпой ходят. Соберутся и идут. В лицо еще заглядывают постоянно. Лезут и заглядывают.

— Зачем?

— Так зомбаки же!

— А говорят что?

Мальчишка развел руками и посмотрел на меня с явным подозрением. В глазах большими буквами читалось «Ненормальный».

— Не говорят они! Ты что? Головой ударился?

— Ага, об дверь, — беззлобно бросил я и тут же спросил: — А эти, которые светятся?

— Эти говорят. Но только непонятно. Странные они. А еще опасные. Лепечут свое, хватают, тянут с собой под землю. Как утянут — так и все. С концами. У них там ходов немеряно.

Я почесал подбородок — после криосна щетина дала о себе знать зудом.

— А выглядят они как? Которые светятся?

Чумазый собеседник выудил из лохмотьев рогатку, быстро спрятал обратно, а потом достал что-то похожее на яблоко, грызнул и ответил с набитым ртом:

— Ну ты вообще! Скажи еще, что не видел никогда!

Я качнул головой:

— Не видел. Спал я. Вот в этом доме спал. Тридцать лет. Лег спать в нормальном городе, а проснулся в уже этом… разрушенном. Ощущение, что сюда бомбу бросили — одни развалины. А тут ты еще со своими зомбаками, светящимися.

— Врешь!

Пацан чуть не поперхнулся от удивления. Хотя, почему «чуть»? Яблоко или что там у него было, застряло на полдороге, и чтобы хоть как-то хватнуть воздуха, мальчике пришлось долго кашлять и крутиться на месте. Помог я. Подзатыльником.

— Врешь, — сдавленным голосом повторил мальчишка. — Хочешь сказать, что не слышал, как тут апокалипсец был?

— Апока…что? Апокалипсис, может?

— Во, точно! Дед такое слово говорил! Мамка уже не так говорит, а дед умный, он в библиотеке жил, буквы хорошо знал, книги.

На душе стало легче. Все же остались здесь люди, которые могут рассказать, что произошло. Хоть дед этого пацана. Вот только слова «жил» и «знал» немного тревожили. Пришлось уточнить:

— Сейчас твой дед чем занимается?

— Не знаю. Никто не знает. Как к светящимся ушел, так и не знают. А может, увели, они ж такие — хуже зомбаков.

— А другие взрослые есть? — я все же не терял надежды разобраться, что произошло за тридцать лет.

Мальчишка кивнул.

— Отведешь?

— А то! Только за консервами сначала сходим, и отведу. Только ты консервов побольше захвати, потому что могут другие прийти. Я хоть и старался, чтоб за мной никто не шел, но мало ли. И зомбаков не приманивай. Молчи. Они когда голоса слышат, сразу из подвалов выходят и следом идут — вот они точно сдадут наши консервы. Лады?

Я вздохнул. Конечно, лады. Иначе быть не может. В моей-то ситуации. И за консервами придется идти, и от зомбаков скрываться, и бегать от тех, которые светятся, хотя эти, последние, самые интересные — почему они так себя ведут, куда уводят. Может, эксперименты какие проводят? Может, мой родной город спустя годы и есть один большой эксперимент, ради которого и был устроен этот «апокалипсец»? Но ради чего? Какой смысл?

Впервые после долгого сна у меня заболела голова. Слишком много вопросов, слишком много непонятного, неизвестного — все это плавило мозг, давило. Наверное, здесь и капсула не помогла бы. Специалисты «Этерны» многое предусмотрели, сделали комфортным и сон, и пробуждение, но вот варианты развития событий после не учли. Понадеялись, как и я, на светлое будущее, где можно продлить молодость или просто жить в свое удовольствие.

А придется не просто жить — выживать. И заодно разбираться с сотнями вопросов. Я вздохнул, поднялся и кивнул мальчишке, который продолжал жевать и восхищенно смотреть на меня — человека, который проспал апокалипсец.

— Ну, веди за своими консервами. А там разберемся, что к чему.

12.09.2025